

ПО СТРАНИЦАМ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА

Народоволец Михаил Фроленко в своих воспоминаниях мимоходом сообщает, что его товарищ по революционной организации Александр Баранников жил на квартире Ф. М. Достоевского, где и был арестован. Во всей обширной литературе о Достоевском, пожалуй, только В. Шкловский обратил внимание на это свидетельство. В 1933 году в примечаниях к повести «Сомнения Федора Достоевского» он опубликовал выдержку из жандармского донесения, уточняющую сообщение мемуариста. Арестованный в январе 1881 года, А. И. Баранников жил по адресу: Кузнечный пер., угол Ямской, д. 5/2, кв. 11.

Как известно, Достоевские занимали в том же доме квартиру 10. И Шкловский высказал мысль, что именно арест соседа послужил причиной «смертельного волнения» писателя, вызвал приступ болезни, от которой он скончался. Рассказ о своей находке и выводы из нее исследователь повторил позже в книге «За и против». Однако и сведения, обнаруженные Шкловским, и весьма серьезные его предположения до сих пор так и не вызвали отклика в литературе, не вошли, что называется, в научный оборот. Нет упоминания о них, в частности, ни в последней биографии писателя, изданной в серии «ЖЗЛ» (Ю. Селезнев, «Достоевский», М. 1981), ни в книге Е. Саруханян «Достоевский в Петербурге» (Л. 1972), ни в очерке-путеводителе по музею Достоевского, где описан дом на Кузнечном (Г. Боград и др. «Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского», Л. 1981). Отчасти это можно объяснить несоответствием между скудостью имевшихся в распоряжении Шкловского данных и категоричностью его выводов.

Существуют, однако, документы, которые позволяют дополнить эти данные и более обстоятельно воссоздать то, что происходило в доме на углу Кузнечного и Ямской в январе 1881 года, в те дни и часы, когда там умирал Федор Михайлович Достоевский. Они обнаружены в многолетнем следственном деле, которое легло в основу процесса 20-ти народовольцев в 1882 году. К материалам дела неоднократно обращались историки революционного движения, но события в доме на углу Кузнечного и Ямской не привлекли их внимания: адрес ничего не говорил непосвященным. А литературоведы, которым он хорошо знаком, в дела подобного рода, как правило, не заглядывают, зани-

маясь поисками преимущественно в литературных архивах.

Дознание о народовольцах, проходивших по процессу 20-ти, начато в конце ноября 1880 года, после ареста члена Исполнительного комитета «Народной воли» Александра Михайлова. Без него конспирация у подпольщиков, по-видимому, ослабла, и в январе 1881 года последовало несколько провалов.

25 января утром на квартире арестованного накануне народовольца Г. Фриденсона (по Казанской ул.) был задержан посетитель, назвавшийся Г. И. Алафузовым. В тот же день в нем опознали разыскиваемого полицией дворянина Курской губернии А. И. Баранникова, было установлено и его местожительство (Кузнечный, угол Ямской, д. 5/2, кв. 11). Возможно, он сам назвал адрес: обыск, произведенный 25 января, ничего не дал. Но указать квартиру Баранникова мог и предатель И. Окладский, опознавший его. За квартирой было установлено секретное наблюдение — в доме оставлен полицейский пост.

План дома на углу Кузнечного и Ямской 70—80-х годов прошлого века пока не обнаружен. Известно, что в 1878 году дом был капитально перестроен, и естественно предположить, что тогда же была упорядочена нумерация квартир. Но даже если допустить, что квартира 11 не следовала непосредственно за квартирой 10, то и тогда они находились где-то рядом, во всяком случае, по одной лестнице, в одном подъезде. Сама неточность Фроленко, заявившего, что Баранников жил в квартире Достоевского, свидетельствует об их близком соседстве.

Рассказывая (явно со слов Баранникова) о «спокойствии, уверенности в своей безопасности», которые тот испытывал накануне ареста, Фроленко замечает, что отчасти спокойствие это «находило себе поддержку в соседстве с Достоевским». К Достоевскому устремлялось множество людей — слава его была в разгаре благодаря успеху «Братьев Карамазовых» и речи о Пушкине. Шли за советом, за помощью, шли обсудить «проклятые вопросы». Являлись депутаты от студентов и курсисток с приглашением читать на благотворительных вечерах. Подписка на «Дневник писателя» также принималась на дому. И в этом людском потоке растворялись посетители народовольческой квартиры.

Квартиру 11, состоявшую из семи комнат, занимала у владельца дома московская мешанка М. Н. Прибылова, в свою очередь сдававшая меблированные комнаты жильцам. Одну комнату занимал здесь Г. И. Алафузов (под этой фамилией был прописан Баранников).

СОСЕД ПИСАТЕЛЯ

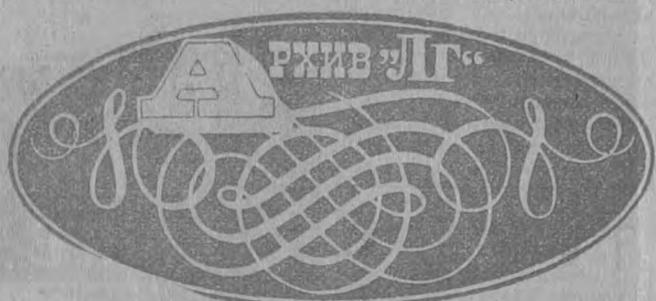
Сосед Достоевского по последней квартире Александр Иванович Баранников был членом Исполнительного комитета «Народной воли» — того генерального штаба революционного движения, который развернул военные действия против самодержавия, не имея своей армии. Это превращало народовольцев в заговорщиков-террористов.

К моменту ареста 23-летний Баранников имел серьезное революционное прошлое. Грузчиком, косарем, молотобойцем «ходил в народ». Был одним из организаторов «Земли и воли». Участвовал в «первой социально-революционной демонстрации в России» (как назвал ее В. И. Ленин) на Казанской площади в 1876 году. В 1877

Она вспоминала «его красивое матовое лицо, без малейшего румянца, волосы цвета воронова крыла и черные глаза, в которых нельзя было различить зрачки».

Представим себе, что сосед из квартиры 11 не только раскланивался с писателем на

был воспринять особенно остро, если он приметил его, общался с ним. Но даже если писатель и вовсе не был знаком с жильцом из соседней квартиры, то и тогда арест и обыск в его доме не могли не потрясти Достоевского — человека с обостренной впечат-

В. А. ТВАРДОВСКАЯ, доктор исторических наук

НА УГЛУ КУЗНЕЧНОГО И ЯМСКОЙ

Последняя квартира Достоевского
и явка народовольцев

году сражался в отряде Пеко Павловича за освобождение Черногории от турецкого ига. Прикрывал Степняка-Крачинского, стреляя в его преследователей, после казни шефа жандармов Мезенцева. Вместе с другими народовольцами готовил покушения на Александра II. Как раз в январе 1881 года Баранников почти ежедневно отправлялся с Кузнечного на Малую Садовую, где из сырной лавки велся подкоп для очередного покушения на царя.

В доме, где жил Достоевский, Баранников поселился, по-видимому, осенью 1880 года. Достоевские снимали квартиру здесь с 1878 года, а в 1880 году вернулись в Петербург после летнего пребывания в Старой Руссе в начале октября.

Был ли Достоевский знаком с соседом из одиннадцатой квартиры? Если и был, то как с Георгием Ивановичем Алафузовым. Ни революционного прошлого Баранникова, ни его текущей деятельности он знать не мог. Но и не заметит посторонящих соседних меблированных комнат вряд ли было возможно: слишком яркой и значительной была внешность Баранникова. Он «имел фигуру, выдающуюся по стройности и красоте, и отличался большой физической силой и цветущим здоровьем», — писала о своем товарище по Исполнительному комитету «Народной воли» Вера Фигнер.

улице, во дворе, на лестнице, но и, случалось, вступал с ним в разговор. Ведь заговорил же Достоевский с незнакомым молодым человеком (будущим народовольцем И. Поповым), встретившись с ним в сквере у Владимирской церкви. А заговорив, стал расспрашивать об учебе, об условиях жизни студентов. В случае подобного и даже более поверхностного общения с соседом по дому Достоевский, наверное, почувствовал бы незаурядность своего собеседника, уловил бы присущую всему его облику одухотворенность, может быть, запомнил бы его, заинтересовался им.

Если бы Баранникову суждено было дожить до освобождения из крепости и заняться воспоминаниями, в них могли бы оказаться интересные страницы о доме в Кузнечном. Но он погиб в заключении. В письмах же из тюрьмы он, хотя и вспоминал свою жизнь, не мог открыто рассказать о «всех столкновениях, встречах». Ничего не говорил он о своих знакомых и на следствии. А среди них было, как писал он брату, «много и таких, которые никогда не знали и не узнают, что я за человек в действительности».

ЗАШИФРОВАННАЯ ЗАПИСЬ

Конечно, известие об аресте соседа Достоевский должен

фию. Вернулся в половине седьмого, обедал, пил кофе, писал письмо Каткову. «Вечером, — фиксирует Анна Григорьевна, — ходил гулять, а затем...» Здесь запись открытым текстом обрывается и следуют стенографические значки, пока не расшифрованные. Что было «затем» — после вечерней прогулки, накануне той ночи, когда у Достоевского пошла горлом кровь, — не известно и из воспоминаний Анны Григорьевны, хотя опиралась мемуаристка на свои дневниковые записи. Восстанавливая события 25 января, она не воспользовалась зашифрованными строчками.

Не исключено, что именно во время прогулки Достоевский мог узнать об аресте жильца из одиннадцатой квартиры, об обыске и присутствии в доме полиции. Мог узнать от соседей, от прислуги, от дворника

ним арестом: ее подозревали в сообщничестве с Баранниковым.

27 января Достоевский был уже в безнадежно тяжелом состоянии. «Во вторник вечером перед его сном, — записала Анна Григорьевна, — я ходила наверх попросить господина не ходить, так как эта вечная ходьба очень его беспокоила. Господин перестал». Может быть, умиравшего Достоевского беспокоил шум шагов полицейского, томившегося на своем посту?

Итак, начиная с 25 января на протяжении всей болезни Достоевского в его доме присутствовала полиция, невозмутимо делавшая свое дело: производила обыски и аресты, подстерегала возможных посетителей одиннадцатой квартиры, сторожила жилищку из той же квартиры, находившуюся под домашним арестом.

Хозяин соседней, десятой, квартиры всю жизнь ощущал себя под полицейским надзором. Бывший петрашевец, он прошел через каторгу и ссылку, но и на свободе оставался под негласным наблюдением. За несколько месяцев до смерти Достоевский просил о снятии с него надзора и только тогда узнал, что надзор был снят в 1875 году. И вот в те дни, когда Достоевский умирал и когда Россия прощалась со своим великим писателем, полиция находилась в его доме как некий символ привычных условий, в которых он жил и работал.

28 января, в среду, в день смерти Достоевского, полиция обнаружила квартиру Колодевнича, арестованного ранее в доме на Кузнечном, и установила за ней наблюдение. 30 января здесь был задержан народоволец Николай Клеточников, служивший по заданию Исполнительного комитета в III отделении. Прибылова (хозяйка кв. 11), когда ей предъявили фотографию Клеточникова, сообщила, что часто видела его у Алафузова (Баранникова). То, что он посещал Алафузова, признал и Клеточников.

Первую половину этого дня Достоевский чувствовал себя получше — кровотечение приостановилось. Но к вечеру (около 5 часов) возобновилось с новой силой. А. Г. Достоевская в письме к Н. Страхову 21 октября 1883 года объясняла это тяжелым разговором писателя с сестрой В. М. Ивановой о наследстве богатой родственницы. Все же, по-видимому, Достоевского угнетали не только семейные раздоры и заботы о будущем детей, но и то, что происходило в доме. Возможно, слух о новом аресте проник в квартиру писателя и усугубил его нездоровье.

27 января, во вторник, в квартире 11 снова был обыск — в комнате, занимаемой женой подпоручика морской артиллерии В. Ф. Григорьевой. Хотя ничего предосудительного не было найдено, Григорьеву «до особого распоряжения» оставили под домаш-

Трофима Скрипина, бывшего при обыске понятным. Слухи о подобных происшествиях распространялись с чрезвычайной быстротой.

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

26 января, в понедельник, в засаду, оставленную полицией в доме на углу Кузнечного и Ямской, попал пришедший к Баранникову член Исполнительного комитета «Народной воли» Николай Колодевнич.

После ареста Александра Михайлова к Баранникову перешли многие конспиративные связи, в частности с Клеточниковым, которого Исполнительный комитет «Народной воли» тщательно оберегал. Квартира на углу Кузнечного и Ямской становится явочной. Сюда приносит Клеточников добытые им в III отделении сведения о предстоящих обысках и арестах, списки шпионов и предателей, копии секретных документов...

До своего ареста в Кузнечный, конечно же, заходил выдающийся деятель «Народной воли» Александр Михайлов — давний друг и земляк Баранникова. Жил он неподалеку — в Орловском переулке, примы-

кавшем, как и Кузнечный, к Лиговке. На Лиговке находилась последняя квартира Николая Кибальчича, изобретателя метательных снарядов, сотрудника газеты «Народная воля». По соседству, на Подольской, помещалась тайная народовольческая типография. А совсем рядом, на Николаевской, собиралась центральная военно-революционная группа «Народной воли». Трудно перечислить всех возможных посетителей народовольческой квартиры на углу Кузнечного и Ямской. Практически ими могли быть все руководители организации, находившиеся в Петербурге в конце 1880 — начале 1881 года.

В этом доме бывали представители полярных общественных сил. Здесь, на лестнице, могли столкнуться руководитель «Народной воли» А. И. Желябов и обер-прокурор сената К. П. Победоносцев, публицист «Народной воли» Н. И. Кибальчич и издатель «Нового времени» А. С. Суворин, графиня С. А. Толстая, вдова писателя А. К. Толстого, и «владельца» сырной лавки на Малой Садовой А. В. Якимова.

Жизнь подъезда своеобразно отражала кипящую, напряженную, исполненную противоречий жизнь русского общества накануне 1 марта 1881 года, необычность которой остро чувствовал Достоевский. Он называл переживаемое время «огромным», «мучительным», «горячим» и «возбуждающим». Достоевский не понимал и не принимал революционной России, но он пристально всматривался в нее, много о ней размышлял, стремясь разобраться в ее идеях и действиях, нравственности и психологии. Он был далек от того, чтобы, подобно Победоносцеву или Каткову, считать революционеров злоумышленниками, на имеющими никаких корней в русской жизни. Осознавая растущую силу революционеров, писатель ощущал их присутствие рядом. Он знал, что они ходят по одним с ним улицам. Ему казалось, что он мог бы встретить их на своей обычной прогулке, услышать их разговор, узнать их замыслы. Достоевский с такой серьезностью и искренностью обдумывал свое поведение на этот случай, как будто был уверен, что ему обязательно предстоит пережить нечто подобное.

Жизнь по-своему подтвердила остроту и чуткость восприятия писателем русской действительности. Борьба, развернувшаяся в стране, за которой он следил с тревогой и мукой, с надеждой, что Россия ее выдержит, — эта борьба ворвалась к нему в дом, подступила к самым дверям его квартиры. Отзвуки ее слышал он в последние дни своей жизни.

Литературная газета
г. Москва

3 НОЯ 1988